

ПЕРСПЕКТИВЫ ТЕРАПИИ АУТОИММУННОГО ГЕПАТИТА У ДЕТЕЙ

А. Лаврова, доктор медицинских наук,
Л. Варначева, кандидат медицинских наук,
С. Абрамов, кандидат медицинских наук
Нижегородский НИИ детской гастроэнтерологии
Минздравсоцразвития России
E-mail: lavrova26@mail.ru

На долю аутоиммунного гепатита (АИГ) в структуре заболеваний печени у детей приходится 1,2–1,7%. АИГ не имеет специфической клинической картины в детском возрасте, что затрудняет его своевременную диагностику и терапию. В статье изложена методология диагностики, приведены результаты исследования эффективности включения в терапию АИГ топического глюкокортикоидного препарата будесонид. Научно обоснована целесообразность его включения в программу лечения детей раннего возраста с АИГ.

Ключевые слова: аутоиммунный гепатит, лечение, дети.

Аутоиммунный гепатит (АИГ) — хроническое аутоиммунное прогрессирующее воспалительное заболевание печени невирусной природы, возникающее преимущественно у женщин и характеризующееся наличием признаков гепатита, гипергаммаглобулинемией, выявлением антител к ткани печени в сыворотке крови в повышенном титре и положительным клинико-лабораторным ответом на иммуносупрессивную терапию [1, 2]. Характерная особенность АИГ у детей — сочетание повышения активности аминотрансфераз с высокими показателями щелочной фосфатазы (ЩФ) и γ -глутамилтрансферазы (ГГТ) [2, 3]. АИГ всегда протекает в хронической форме.

АИГ — редкое заболевание; его частота у взрослых — 0,1–0,9 случая на 100 тыс. населения в год, распространенность — 2,2–17 на 100 тыс. населения (в Европе). В структуре хронических заболеваний печени у взрослых доля АИГ составляет 10–20%. В отношении детей подобные эпидемиологические данные отсутствуют. Известно лишь, что на долю АИГ у них приходится от 1,2 до 7,7% от всех хронических заболеваний печени. При этом АИГ I типа диагностируют чаще в возрасте 10–20 лет и 45–70 лет, АИГ II типа может встречаться у детей после 6 мес жизни, при этом в 75% случаев — у девочек [1, 2]. К пусковым факторам АИГ относят: вирусы (вирусы гепатита А, В, С, D, вирус простого герпеса I типа, вирус герпеса человека VI типа, вирус Эпштейна–Барр, вирус ветряной оспы); бактериальные инфекции (сальмонеллез); дрожжевые грибы; токсины; лекарственные препараты, в том числе препараты интерферона, применяемые для лечения гепатита В, С [1, 4].

В развитии аутоиммунных заболеваний (АИЗ) у детей большую роль играет наследственная предрасположенность. Предполагают, что до 50% иммунных реакций генетически детерминированы. При этом гены не явля-

ются причиной заболевания, а служат факторами риска развития АИЗ. Исследованиями последних лет доказано, что для формирования АИГ имеет значение система HLA, 3 известных класса которой ассоциированы с АИЗ печени [1]. Одна из основных причин развития АИГ — нарушение равновесия между агрессивными и защитными факторами. Причины этих изменений в иммунной системе человека неизвестны. У детей и подростков они выражаются в нарушении баланса в субпопуляциях Т-лимфоцитов — снижении уровня CD8-лимфоцитов (клеток-супрессоров) и повышении содержания агрессивных CD4-клеток-хелперов. Кроме того, могут изменяться количество и функциональное состояние Т-супрессоров или отмечаться дефект в субпопуляции Т-клеток, контролирующей иммунные реакции на антигены, специфичные к мембране гепатоцитов [1, 2].

Ведущую роль в иммунопатогенезе АИГ играет нарушение иммунной толерантности к собственным антигенам печени. Эта иммунорегуляторная дисфункция может быть уменьшена путем снижения количества и активности Т-клеток, на что и направлено при терапии АИГ назначение иммуносупрессоров, к которым относятся классические системные глюкокортикоидные препараты и современный топический препарат будесонид (Буденофальк). Оправдано использование комбинации преднизолона и азатиоприна. Препаратами резерва являются циклоспорин А, такролимус, микофенолат мофетил, цитостатики [1, 3, 4].

Применение всех перечисленных препаратов (кроме преднизолона и азатиоприна) имеет возрастные ограничения — детский возраст. В последние годы появляются пилотные исследования, посвященные использованию буденофалька в педиатрической практике при болезни Крона, воспалительных заболеваниях кишечника, АИГ [3, 5, 6]. Перспективы буденофалька в детской гепатологии связаны с его фармакокинетическими особенностями. Непосредственно в печени при первом прохождении метаболизируется 90% препарата. Высокая афинность к местным стероидным рецепторам и низкая системная биодоступность будесонида позволяют до минимума снизить частоту развития побочных эффектов стероидной терапии (увеличение массы тела, отеки нижних конечностей и в области крестца, кушингоидное лицо, гирсутизм, стероидные акне, диабет, стрии на животе, остеопороз, замедление роста у детей).

Будесонид — высокоэкстрактируемое лекарственное средство. Его полная системная элиминация и общая биодоступность у детей и взрослых не различаются, в связи с чем препарат применяется у них в одинаковых дозах [1, 6]. В исследовании Zandieh I и соавт. 9 пациентов с АИГ в возрасте от 12 до 66 лет, которые без эффекта получали ранее лечение преднизолоном и азатиоприном, принимали будесонид в дозе от 9 до 3 мг в день в течение 2–8 лет. Полной ремиссии удалось добиться у 7 из 9 пациентов. Побочные эффекты встречались редко и были слабо выражены [5]. Отмечена высокая эффективность комбинированной терапии будесонидом (9 мг/сут) и азатиоприном (100 мг/сут) [7].

Будесонид может применяться у больных АИГ в качестве терапии как 1-й линии (у не леченных ранее пациентов), так и 2-й (у пациентов с непереносимостью преднизолона или азатиоприна либо резистентных к систем-

ным кортикостероидам). Доказано, что будесонид может индуцировать не только биохимическую, но и гистологическую ремиссию при АИГ — замедляет процессы фиброгенеза, как следствие — формирование цирроза печени [8].

Приводим клинический пример диагностики и терапии АИГ у ребенка раннего возраста.

Маша Н., 2 лет 1 мес, впервые поступила в клинику Института с жалобами на сниженный аппетит, потерю массы тела, плаксивость, беспокойство, кожный зуд, увеличение размеров живота, кашицеобразный стул до 2–3 раз в сутки.

Анамнез жизни. Девочка от 3-й беременности (1-я и 2-я беременности — медицинский аборт), протекавшей на фоне гестоза, артериальной гипертонии I–II стадии, ожирения II степени у матери. Роды в срок, крупным плодом (5,17 кг). Ввиду слабости родовой деятельности — наложение акушерских щипцов. Период новорожденности протекал без особенностей. Вскармливание с рождения — искусственное (смесь НАН); на 3-м месяце жизни в связи с ограниченными проявлениями атопического дерматита переведена на лечебную смесь гидролизат (Нутрилон пепти ТСЦ). Прикорм введен с 7 мес. После года девочка переведена на общий стол, введены коровье молоко, кисломолочные продукты. Согласно данным амбулаторной карты, масса тела в 9 и 15 мес соответствовала 50–75-му перцентильному интервалу (9,15 и 11,0 кг соответственно). Наследственность отягощена: у матери — желчнокаменная болезнь, ожирение, гипертоническая болезнь; у отца — аллопеция тотальная (с 6 лет), целиакия, язвенная болезнь (умер — сапер); у бабушки со стороны матери — инсульт, у сестры матери — сахарный диабет типа 2, у бабушки со стороны отца — хронический гастродуоденит, хронический холецистит; у сестры отца — атопический дерматит.

Анамнез заболевания. Ухудшение состояния отмечено с 1,5 лет, когда стали проявляться сниженный аппетит, плаксивость, потеря массы тела (за медицинской помощью не обращались). В 1 год 7 мес вследствие явлений ринофарингита был назначен макропен, на 3-й день приема которого появились слабость, многократная рвота и жидкий стул. Ввиду ухудшения состояния девочка была госпитализирована в ЦРБ, где при врачебном осмотре впервые отмечены выраженное увеличение живота и его болезненность при пальпации во всех отделах. В общем анализе крови: увеличенная СОЭ — до 53 мм/ч, лейкоцитоз — до $13,3 \cdot 10^9/\text{л}$. Из-за ухудшения состояния девочка направлена в областную детскую клиническую больницу (ОДКБ), где для исключения опухоли Вильмса была осмотрена хирургом и онкологом; диагноз не подтвердился, и ребенок направлен в инфекционную больницу с диагнозом: острый гастроэнтерит, тяжелая форма, токсикоз с эксикозом I–II степени, дистрофия; в больнице ребенок находился в течение 1 нед, после чего выписан домой.

Через 1 нед — вновь ухудшение состояния: слабость, отказ от еды; появились отеки на ногах, и в возрасте 1 года 8 мес девочка госпитализирована в ЦРБ. Масса тела на тот момент — 8 кг. В общем анализе крови: $\text{Hb} = 100 \text{ г/л}$, лейкоцитоз со сдвигом формулы влево — $12 \cdot 10^9/\text{л}$, п. — 11%, общий белок — 43 г/л, сахар крови — 6,6 мкмоль/л. Ввиду тяжести состояния девочка вновь была переведена в ОДКБ. При осмотре в приемном покое больницы: состояние очень тяжелое, вялая, капризная, подкашливает. Частота дыхательных движений — 24 в минуту, частота сердечных сокращений — 110 в минуту. Кожные покровы бледные, подкожный жировой слой резко снижен (дефицит массы тела — 25%, масса тела — 8,3 кг, длина тела — 80 см), субиктеричность склер, язык обложен белым налетом, в зеве лег-

кая гиперемия слизистой, выражена отечность голеней, стоп, бедер. При аускультации: в легких — дыхание жесткое, ослаблено в нижних отделах, хрипов нет; в сердце — систолический шум. Живот увеличен, вздут, при пальпации безболезненный во всех отделах, печень выступает на +2,0 см из-под края реберной дуги по среднеключичной линии, край — плотнотеластической консистенции. Селезенка не пальпируется. Стул кашицеобразный, серый, до 300 г в сутки. Мочепускание не нарушено. Рабочий диагноз: целиакия? Изменения со стороны печени были расценены как реактивные.

При лабораторном обследовании: в общем анализе крови — анемия ($\text{Hb} = 96 \text{ г/л}$), воспалительные изменения (СОЭ — до 27 мм/ч, л. — до $22,0 \cdot 10^9/\text{л}$ с нейтрофилизом до 77%); в биохимическом анализе крови выражены синдромы цитолиза [аланин-трансаминаза — АЛТ, аспартатаминотрансаминаза — АСТ — до 14–12 норм)], холестаза (ГГТ — до 4 норм, ЩФ — 1,5 нормы), синдром экскреторно-билиарной недостаточности (гипербилирубинемия за счет повышения уровня свободного билирубина до 61,1 мкмоль/л), гипоальбуминемия (до 48%); отмечены признаки воспаления: гипергаммаглобулинемия (до 20,8%), повышение уровня С-реактивного белка до 12. При исследовании показателей гуморального иммунитета — увеличение содержания иммуноглобулинов всех классов ($\text{IgG} = 14,0 \text{ г/л}$, $\text{IgA} = 1,65 \text{ г/л}$, $\text{IgM} = 2,34 \text{ г/л}$). Маркеров вирусного гепатита А, В, С не выявлено, результаты исследования крови на герпес-вирусные инфекции отрицательные, уровень α -фетопротейна в сыворотке крови в норме. Копроскопия: мыла — 2+, жирные кислоты — 2+, детрит — 3+. Результаты УЗИ органов брюшной полости: признаки уплотнения паренхимы печени без очаговых изменений, уплотнение стенки желчного пузыря, признаки дилатации кишечника. Компьютерная томография брюшной полости органической патологии не выявила, отмечены раздутые петли кишечника. Данные ЭФГДС: поверхностный еюнит, умеренно выраженный. Морфологическое исследование слизистой оболочки тощей кишки — диффузный еюнит с тотальной атрофией ворсинок, гиперрегенераторная форма атрофии; гистологическая картина и данные морфометрического исследования характерны для целиакии. В клинике ОДКБ ребенок находился в течение 4 мес. На фоне лечения (строгая аглиадиновая диета, смесь-гидролизат, парентеральное питание — аминокислотная, липофундин, дезинтоксикационная и инфузионная терапия, включая глюкокортикостероиды короткими курсами) девочка продолжала терять в весе; сохранялись увеличенные размеры живота, сниженный эмоциональный тонус, патологические изменения в клинических и биохимических анализах крови. Для дальнейшего лечения и обследования девочка была переведена в палату интенсивной терапии ФГУ «Нижегородский НИИ детской гастроэнтерологии» с диагнозом: гепатит неуточненного генеза, печеночная недостаточность, целиакия типичная, тяжелое течение, обострение; вторичная лактазная недостаточность; дисбиоз кишечника; хроническое расстройство питания по типу гипотрофии III степени; токсико-дистрофический синдром; вторичный иммунодефицит.

Объективно при поступлении: состояние тяжелое, гиподинамична, плаксива. Беспокоит незначительный кожный зуд независимо от времени суток. Физическое развитие резко снижено вследствие дефицита массы тела: 6,9 кг — 45% от должного, рост — 78 см. Кожные покровы бледные, чистые, тургор резко снижен, «руки прачки», пальмарная эритема, краевая субиктеричность склер. На грудной клетке и животе выражена венозная сеть, единичные экскориаии. При аускультации легких дыхание пуэрильное,

хрипов нет. Тоны сердца ясные. Живот значительно увеличен (окружность живота – 47,5 см), вздут, при пальпации мягкий, безболезненный. Печень – у края реберной дуги, край острый, ровный, плотный. Пальпируется плотный край селезенки. Стул – 1–2 раза, кашицеобразный, серый. Диурез адекватный.

Выполнена дифференциальная диагностика с инфекционными (вирусные гепатиты А, В, С, дельта, цитомегаловирус, вирус Эпштейна–Барр) и неинфекционными заболеваниями печени (стеатогепатит, болезнь Вильсона и другие обменные заболевания печени, дефицит α_1 -антитрипсина, первичный склерозирующий холангит, первичный билиарный цирроз, лекарственный гепатит). В общем анализе крови: воспалительные изменения (СОЭ – 15 мм/ч, л. – до $23,0 \cdot 10^9$ /л, норма – 61%). В копрограмме: мыла – 3+, капли жирных кислот – 0,5+, перевариваемая клетчатка с небольшим количеством лейкоцитов и эритроцитов – 0,5+, детрит – 1+. Биохимический анализ крови:

снижен уровень общего белка – 54,6 г/л, альбумины – 51,8%, гамма-глобулины – на верхней границе нормы (18,7%), синдром цитолиза высокой степени (АЛТ – до 12 норм, АСТ – до 9 норм), нарушение синтетической функции печени (снижение уровня холестерина до 2,56 ммоль/л), синдром холестаза – повышение ГГТ до 5 норм (5,87 мккат/л), ЩФ – 1,5 нормы (8,86 мккат/л). Тимоловая проба, сахар, мочевины, церулоплазмин, медь (в крови и моче), α_1 -антитрипсин, креатинин-фосфокиназа в сыворотке крови – в норме. Гликогенсодержащие лимфоциты – 8% (норма – 2–35%). При исследовании крови на аутоантитела выявлено повышенное значение противцитозольных печеночных антител (АТ) I типа (LC-1) до 26,09 МЕ/мл (норма <15 МЕ/мл); далее при динамическом наблюдении через 3 мес – повышение содержания антитимохондриальных АТ подтипа 2 (АМА-M2) до 45,7 МЕ/мл (норма <10 МЕ/мл). В показателях гуморального иммунитета: повышение уровня IgA – 2,25 г/л (норма – 0,48–0,86 г/л) и IgM – 1,35 г/л (норма – 0,52–1,24 г/л); IgG в норме: 7,1 г/л (норма – 6,75–12,15 г/л). При исследовании АТ к пищевым аллергенам диагностирован их высокий титр к глютену, казеину, сое; установлено повышение IgA к трансглутаминазе – 3,59 ЕД/мл (норма – до 1,0 ЕД/мл). В моче и крови – повышение уровня панкреатической амилазы, соответственно до 1328 ЕД/л (норма – до 320 ЕД/л) и 88 ЕД/л (норма – до 53 ЕД/л). Хлориды пота в норме. Посев кала на дисбиоз – повышенное содержание протей. Рентгенограмма кисти – признаки остеопороза. При повторном проведении ЭФГДС в Институте (на фоне аглиадиновой диеты в течение 6 мес) органических, функциональных, воспалительных изменений не обнаружено. Морфологическое исследование биоптата тощей кишки: диффузный еунит с тотальной атрофией ворсинок (по сравнению с картиной в дебюте болезни – слабая положительная динамика). УЗИ органов брюшной полости: перегиб желчного пузыря, увеличение его размеров; кальцинат селезенки. В брюшной полости свободной жидкости не лоцируется, определяется большое количество петель кишечника. Эхографические признаки выраженной гипотонии толстой и тонкой кишок, удлинение сигмовидной кишки, трансверзоптоз, гиперкинетический тип дискинезии толстой кишки. Ввиду тяжести состояния ребенка, ранее проведенных курсов глюкокортикостероидов, а также наличия биохимических и иммунологических маркеров АИГ биопсию печени не проводили.

В стационаре девочка получала индивидуальный стол (Нутрилон пепти ТСЦ, безглютеновые безмолочные каши, мясо кролика), инфузионную терапию: глюкоза – 10% раствор, натрия хлорид – 0,9% раствор, витамины группы В, альбумин, аминоклазмалгепа, липофундил – 10% раствор, цитофлавин. Внутрь: элькар, креон (45000 ЕД/сут), хофитол, аминокaproновая кислота, эрсефурил, энтерол, смекта, эспумизан, витамины А, Е, кальций Д3 Никомед, препараты калия. С учетом тяжести состояния девочки и лабораторных признаков активного аутоиммунного воспалительного процесса в печени был назначен внутрь преднизолон (1,5 мг/кг/сут – 10 мг со снижением дозы через 10 дней до 1 мг/кг/сут – 7,5 мг) в комбинации с урсодиолиевой кислотой – УДХК (Урсофальк) в дозе 125 мг/день. На фоне комплексного лечения отмечена положительная клинико-лабораторная динамика. Масса тела за 2 мес увеличилась на 2,3 кг (9,2 кг). Состояние улучшилось. Эмоциональный статус повысился. Appetit хороший. Кожный зуд не беспокоит. Значительно уменьшилась бледность кожных покровов, повысился тургор тканей. Венозная сеть в области грудной клетки и живота уменьшилась. Живот оставался вздутым, при паль-

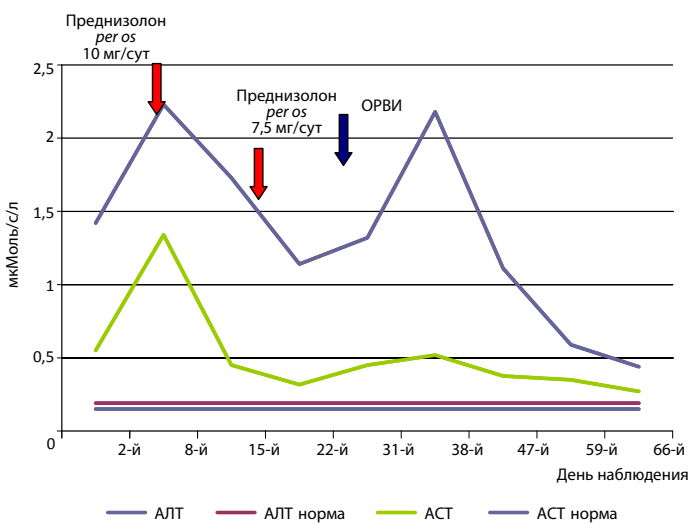

Рис. 1. Динамика активности трансаминаз у больной Маши Н. на фоне гормональной терапии

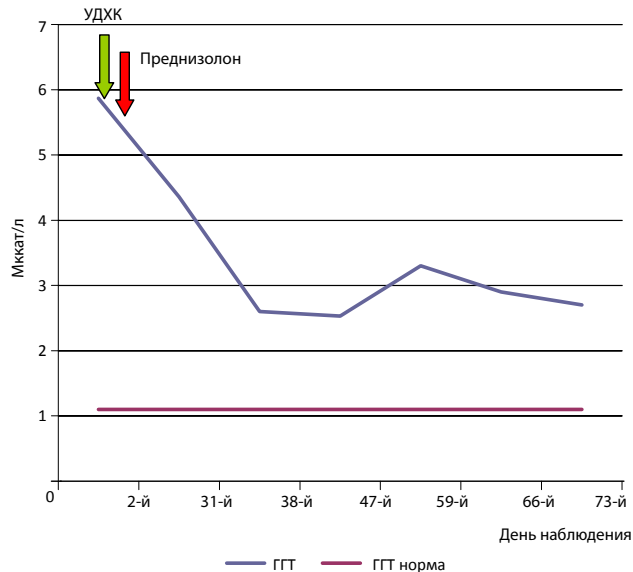

Рис. 2. Динамика уровня ГГТ у больной Маши Н. на фоне терапии

**Золотой стандарт
в лечении холестатических
заболеваний печени**

**Мы превращаем надежду
в эффективную терапию**

пации – безболезненный. Печень выступает на +1,0 см из-под края реберной дуги по среднеключичной линии. Край ровный, острый, плотный, безболезненный. Селезенка не пальпируется. Стул – 1–2 раза в сутки, кашицеобразный, серый. Диурез адекватный. Общий анализ крови: нормализация СОЭ, сохранялся лейкоцитоз. Биохимический анализ крови: синдром цитолиза уменьшился в 5 раз, синдром холестаза – в 2 раза. На фоне острой респираторной вирусной инфекции повысилась активность трансаминаз, что было купировано после реконвалесценции вирусной инфекции без повышения дозы преднизолона (рис. 1, 2).

Клинический диагноз: хронический гепатит аутоиммунный (предположительно – II типа), высокой степени биохимической активности, фиброз – 0, печеночная недостаточность – 0; целиакия типичная, активный период (по Marsh III A); острая белково-энергетическая недостаточность, тяжелая (III степени); панкреатит идиопатический (реактивный, аутоиммунный); анемия легкой степени смешанного генеза; дисбиоз кишечника III степени, субкомпенсированный; остеопенический синдром.

Девочка была выписана домой с улучшением и рекомендацией постоянно принимать преднизолон в дозе 7,5 мг/сут, на фоне чего в течение 6–8 мес у ребенка сформировались стероидсвязанные побочные реакции (кушингоидное лицо, замедление роста). При попытке снижения дозы преднизолона до 5 мг/сут произошло увеличение активности АЛТ с 1,5 до 5 норм, повышение СОЭ. Через 9 мес приема преднизолона отмечалось повышение уровня аутоантител к лизосомальному антигену печени и почек (LKM-1) – в 2 раза выше нормы (до 40,7 ФЕ/мл). На фоне аглиадиновой диеты через 6 мес – АТ к глиадину – слабая сенсибилизация. При морфологическом исследовании биоптата тощей кишки – выраженная положительная динамика (рост ворсин, уменьшение глубины крипт, снижение количества межэпителиальных лейкоцитов почти до нормы).

Ввиду описанной клинико-лабораторной картины девочке в возрасте 4 лет в качестве терапии 2-й линии был назначен топический стероидный препарат буденофальк в дозе 2 капсулы в день с постепенной отменой преднизолона в течение 3 мес, постоянным приемом Урсофалька в дозе 1 капсулы с день. Через год терапии (к 5 годам жизни) ребенок получал 1 капсулу буденофалька. Препарат был назначен после получения разрешения локального этического комитета Института и информированного добровольного согласия родителей. На фоне терапии достигнута положительная клинико-лабораторная динамика. Побочные эффекты глюкокортикостероидной терапии купированы. Ребенок активных жалоб не предъявляет. Препарат буденофальк переносит хорошо. Эмоциональный тонус хороший. Аппетит повышенный. Девочка выросла за год на 11 см; в 4 года 8 мес масса тела – 16,5 кг (50-й перцентильный интервал), длина тела – 110 см (75-й перцентильный интервал). При лабораторном исследовании в общем анализе крови СОЭ, лейкоциты в пределах нормы. Синдром цитолиза уменьшился до 1,5–3 норм, маркеры синдрома холестаза (ГГТ) в норме. Содержание в крови IgA, IgM, IgG, AMA-M2, АТ к цитозольному антигену печени, аутоантител к лизосомальному антигену печени и почек, аутоантител к растворимому антигену печени не превышало нормы в течение периода наблюдения (1 год).

Таким образом, представлен сложный клинический случай диагностики раннего дебюта двух АИЗ желудочно-кишечного тракта у ребенка раннего возраста, имеющего наследственную отягощенность по АИЗ. Отсутствие спе-

- Улучшает симптоматику
- Замедляет прогрессирование
- Защищает от осложнений
- Увеличивает продолжительность жизни

Dr. Falk Pharma GmbH
Leinenweberstr. 5
D-79041 Freiburg
Germany

ООО «Доктор Фальк Фарма»
Россия, 127055, Москва, ул. Бутырский Вал, 68/70, стр. 4, 5
Тел./факс: +7 (495) 933-9904
e-mail: info@drfalkpharma.net, http://www.drfalkpharma.ru

цифической картины АИГ делает его диагнозом исключения, особенно в детском возрасте, требует обследования и терапии в специализированных гастроэнтерологических центрах. По-видимому, появление глюкокортикоидных препаратов нового поколения позволит улучшить прогноз АИГ, что делает необходимым их применение в детской гастроэнтерологии.

Литература

1. Лейшнер У. Аутоиммунные заболевания печени и перекрестный синдром / пер. с нем. – М.: Анахарсис, 2005. – 176 с.
2. Warren P. Pediatric practice. Gastroenterology. – 2010: 464.
3. Greene M., Whittington P. Outcomes in pediatric autoimmune hepatitis // Pediatric Gastroenterology. – 2009; 11: 248–251.
4. Mieli-Vergani G., Heller S., Jara P. et al. Autoimmune hepatitis // J. Pediatric Gastroenterology and Nutrition. – 2009; 49: 158–164.
5. Корниенко Е.А., Ломакина Е.А., Залетова Н.К. и др. Топические стероиды в лечении воспалительных заболеваний кишечника у детей // Гастроэнтерология Санкт-Петербурга. – 2010; 1: 2–6.
6. Dilger K., Alberer M., Busch A. et al. Pharmacokinetics and pharmacodynamics action of budesonide in children with Crohn's disease // Aliment Pharmacol Ther. – 2006; 23: 387–395.
7. Manns M., Woynarowski M., Kreisel W. et al. Budesonide 3 mg bid in combination with azathioprine as maintenance treatment of autoimmune hepatitis – final results of a large multicenter international trial // Hepatology. – 2008; 48 (4): 376–377.
8. Ferreire A., Roquete M., Toppa N. et al. Effect of treatment of hepatic histopathology in children and adolescents with autoimmune hepatitis // J. Pediatric Gastroenterology and Nutrition. – 2008; 46 (1): 65–70.

PROMISES OF THERAPY FOR AUTOIMMUNE HEPATITIS IN CHILDREN

A. Lavrova, MD; L. Varnacheva, Candidate of Medical Sciences; S. Abramov, Candidate of Medical Sciences

Nizhni Novgorod Research Institute of Pediatric Gastroenterology, Ministry of Health and Social Development of Russia

The proportion of autoimmune hepatitis (AIG) in the structure of liver diseases in children is 1.2-1.7%. AIG has no specific clinical picture in childhood, which makes its timely diagnosis and therapy difficult. The paper describes a diagnostic methodology and gives the results of a study of the efficiency of incorporation of the topical glucocorticoid budesonide into therapy for AIG. The expediency of inclusion into a treatment program for infants with AIG is scientifically justified.

Key words: autoimmune hepatitis, treatment, children.

ПРИМЕНЕНИЕ L-ОРНИТИН- L-АСПАРТАТА В КОМПЛЕКСНОЙ ТЕРАПИИ ХРОНИЧЕСКИХ ВИРУСНЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ У ДЕТЕЙ

Е. Жукова, доктор медицинских наук,
Е. Шабунина, доктор медицинских наук,
М. Грошовкина, С. Романова, кандидат медицинских наук,
Л. Коркоташвили, кандидат биологических наук
Нижегородский НИИ детской гастроэнтерологии
Минздравсоцразвития России
E-mail: krigina@mail.ru

Рассматриваются клинические проявления хронического вирусного гепатита у детей, показатели эндотоксикоза и уровень аммиака при применении в комплексной терапии L-орнитин-L-аспартата. На фоне приема последнего отмечено отчетливое улучшение изучаемых показателей. Побочных проявлений не возникло.

Ключевые слова: хронический вирусный гепатит, L-орнитин-L-аспартат, дети.

Вопросы терапии хронического вирусного гепатита С (ХГС) и В (ХГВ) остаются наиболее трудной и не решенной до конца проблемой. При лечении данной патологии во всем мире используют препараты интерферонового ряда, однако их применение сопровождается рядом побочных эффектов и имеет противопоказания [5, 9, 10]. В связи с этим при отсутствии возможности противовирусного лечения или ответа на него необходимо использовать в комплексной терапии хронического вирусного гепатита препараты с гепатопротекторным и дезинтоксикационным эффектом.

Накопленные данные позволяют предположить, что использование метаболической терапии у взрослых повышает устойчивость печени к патологическим воздействиям и усиливает ее обезвреживающую функцию путем активации различных ферментных систем, тем самым замедляя прогрессирование заболевания [1–3, 7, 8]. Обзор современной литературы показал эффективность использования средств детоксицирующей терапии у взрослых пациентов с хроническим гепатитом [9, 11, 12]. У детей этот вопрос изучен недостаточно.

У большинства пациентов с хроническим гепатитом повышено содержание аммиака, оказывающего нейротоксическое действие. Аммиак только в небольшом количестве может выделяться в виде иона аммония с мочой и стулом, а также в газообразном состоянии с выдыхаемым воздухом через легкие. Поэтому низкая концентрация его в организме поддерживается с помощью механизмов, обеспечивающих связывание этого продукта обмена. Во-первых, при участии глутаминсинтетазы в мышцах, головном мозге (астроглия), печени (в перивенозных гепатоцитах) образуется глутамин, который в небольшом количестве выделяется с мочой и выполняет транспортную функцию переноса аммиака в нетоксичной форме. Другой механизм детоксикации, наиболее зна-